

Лавров Петр Алексеевич

**Материалы по истории
возникновения древнейшей
славянской письменности**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
ПЗ0

ПЗ0 **Петр Алексеевич Л.**
Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности: Том 1 /
Лавров Петр Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2023. – 256 с.

ISBN 978-5-519-92205-0

ISBN 978-5-519-92205-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Академик Петр Алексеевич Лавров, скончавшийся 24 ноября 1929 г., успел приготовить к печати и до своей болезни, неожиданно приведшей к печальному концу, собственноручно прокорректировать большую часть выпускаемой теперь, как I том «Трудов Славянской Комиссии», работы под указанным выше заглавием. Тем не менее в корректурах последних листов набранных текстов и введении к ним, печатавшихся во время болезни автора, являлись некоторые сомнения, так как не было возможности все печатаемые тексты проверить по рукописям или по крайней мере по первоначальным изданиям. Значительную часть работы в этом отношении произвела научная сотрудница Э. А. Лемберг, которой редакция считает своим долгом здесь выразить свою благодарность.

Б. Л.

ВВЕДЕНИЕ

Славянские первоучители, Солунские братья Константин философ, в монашестве Кирилл, и Мефодий архиепископ Моравский и Паннонский, во второй половине X в. посланные из Константинополя в Моравию и Паннонию в ответ на просьбу моравского князя Ростислава, образованнейшие представители византийского общества своего времени, известные миссионеры, ранее путешествовавшие к сарацинам и хозарам, хорошо знакомые с языками присолунских славян, положили начало славянской письменности. Младший брат Константин философ, обладавший блестящими способностями, получивший прекрасное образование при дворе, занимавший должность библиотекаря и профессора философии, близкий к знаменитому патриарху Фотию, стоял во главе этого дела, как истинный ученый, а в лице старшего брата, бывшего воеводой в одной из областей Македонии с славянским населением, у него был прекрасный помощник, еще лучше знавший славянский язык. У них были среди славян ученики, сопровождавшие их во время их пребывания и деятельности в Моравии и Паннонии. Константин философ составил славянский алфавит и начал перевод евангелия на «словѣньскыи ѡзыкъ» присолунского края еще до отъезда в Моравию. В Моравии и Паннонии переводы были продолжены.

Византийцы, близкие к народам востока, имевшим свою христианскую письменность на народных языках и пользовавшимся родными языками при богослужении, уже тем самым были призваны дать славянам богослужение на славянском языке. Они это сделали сейчас же по прибытии в Моравию и Паннонию, а в то же время на их долю выпало создать для славян при покровительстве славянских князей моравского Ростислава и паннонского Коцела независимую церковь, на что в конце концов дано было согласие римских пап Адриана и Иоанна VIII. В результате славяне получили перевод священного писания и богослужебных книг с греческого языка. Но в той среде, какую представляли западные славяне, зависевшие от римского престола, а при соседстве с немцами бывшие под управлением

немецких епархий, должно было сказаться и западное влияние, при котором естественно появлялись и переводы с латинского, а отчасти с немецкого языков. Разумеется, греческий обряд, принесенный Константином и Мефодием, получал преобладание, но трудно было совсем устранить и обряд римской церкви. Понятное дело, начальная славянская письменность сохранила эту двойственность. Язык перевода точно так же, при основе южно-славянский, мог получать и западно-славянские черты по мере того, как к участию в переводах присоединялись к прибывшим солунским македонским славянам моравы и паннонские славяне словинской ветви.

К концу жизни Мефодия просветительная миссия славянских первоучителей могла похвалиться редким успехом. Если бы не последовало противодействия со стороны противников этого дела, последствия были бы еще более грандиозны. Мы знаем, что вслед за переходом учеников первоучителей на Балканский полуостров в Македонии и Болгарии славянская письменность достигла расцвета. Она проникла и к сербам и хорватам, к первым всецело, ко вторым по мере того, как у них сохранялись греческие переводы, поскольку не могло их сгладить латинское влияние вульгаты. Но и в Моравии и Паннонии не сразу положен был конец славянской письменности; она держалась в Сазавском монастыре. Мы знаем, что и польские земли отчасти пережили то время, когда к ним проникла проповедь Мефодия. Если бы не политическая катастрофа Моравии, и среди чешско-моравского народа могла бы больше удержаться славянская письменность, чем она удержалась. Нельзя сомневаться, что ранний выход и развитие чешской литературы, сравнительно с запозданием ее у поляков, и глубокое и широкое развитие гусситства с чешским богослужением и чешской библией косвенно стоят в зависимости от положенного в Великой Моравии начала. А уход моравского населения после завоевания венгров к южным славянам равным образом не остается без последствий. В югославянской письменности ближайшего времени об этом говорят моравизмы княжеских памятников.

Но едва ли какой другой народ славянский воспринял кирилло-мефодиевское наследие в такой степени, как русские с принятием христианства от греков при посредстве всего богатства начальной славянской письменности и ее продолженного расцвета в Болгарии. Любопытно при этом и то, что к нам помимо славянского юга проникают славянские тексты с чешско-моравскими чертами.

Как можно из сказанного видеть, кирилло-мефодиевской письменности суждено было сыграть объединяющую почти всё славянство роль. Мы, рус-

ские, особенно прочно обогатились элементами церковно-славянского языка, потому что, приняв его как книжный язык, неразрывно его сплотив с родным в своем литературном языке, и нет другого славянского языка, в котором бы в настоящее время оставалось столько элементов старо-славянских, как в нашем. ✓

Нисколько не удивительно, что великие славянские первоучители в эпоху их деятельности и в ближайшее время внушали современникам чувство самой глубокой признательности за принесенные ими дары просвещения. И в пределах еще Великой Моравии, а затем на славянском юге и у нас начали появляться посвященные их жизни и деятельности памятники разнообразного содержания: жития пространные и краткие, похвальные слова, службы, сочинения, посвященные таким эпизодам, как обретение мощей св. Климента, грамматические рассуждения, сказание Храбра и др., летописные записи у Нестора, стихотворные опыты, как Азбучная молитва, и пр. Переписывались также произведения, как Проглас к евангелию, Исповедание веры, приписываемые в написании Константину Философу и т. п. Позднее являлись новые легенды о первоучителях; о них упоминали в житиях их учеников.

Настоящая книга предлагает собрание всех славянских памятников, относящихся к жизни и деятельности Кирилла и Мефодия. Посвященное им исследование напечатано нами в Киеве. В прилагасмом введении мы касаемся лишь того, что имеет ближайшее отношение к изданию текстов. К сожалению, книга не могла быть приготовлена так полно, как было бы желательно. Необходимо было бы путешествие по славянским землям, чтобы получить недостающие списки текстов; тогда можно было бы важнейшие и древнейшие издать в фотографических снимках, или приложить по крайней мере образчики с них. Во вступлениях к отдельным текстам, полученным позднее, чем было начато печатание, присоединяем дополнительные варианты.

Наши библиотеки сохраняли значительные материалы, входившие в многочисленные сборники разного содержания, писанные в разных местах русских земель. Не малое число рукописей, писанных на славянском юге, в разное время теми или иными путями поступили в наши библиотеки. В до-татарскую эпоху нашей письменности центрами ее были Киев на юге и Новгород на севере. С этими городами главным образом тесно связаны не только древнейшие русские памятники, но и принесенные с юга, а отчасти и запада, памятники начальной славянской письменности.

В позднейшее время Новгородский архиепископ Геннадий собрал Библиейские книги в один цельный свод, сохранившийся в трех полных спис-

ках Синодальной библиотеки. Горский выражается о нем так: «собрание ветхозаветных книг, какое имеем в полных списках Библии, справедливо можно назвать Новгородским».

Точно также митрополит московский Макарий в Новгороде 12 лет трудился над составлением Четьих Миней, куда вошли и так наз. Моравско-национские жития и проложные жития Кирилла и Мефодия. В этих Четьих Миней житие Константина философа находится под 14 февраля, а житие Мефодия под 6 апреля.

Но у Димитрия Ростовского житие Кирилла и Мефодия находится под одиннадцатым числом мая месяца под таким заглавием: «Житие и труды преподобных отец наших Мефодия и Константина, нареченного Кирилла, епископов моравских, учителей славянских». Из списка жития Константина за № 16 у Бодянского мы однако знаем, что он пользовался не текстом Макарьевских Четьих Миней, а копией с рукописи Хиландарского монастыря жития Кирилла. Этим вероятно и объясняется, что у него о Мефодии не находим ничего, что о нем знаем из его жития. А что о нем есть, то взято из жития Константина или же из проложного жития Мефодия. Им, как и проложным житием Кирилла, Димитрий Ростовский воспользовался весьма искусно, взяв только то, что заслуживало внимания. А именно названо имя матери святых братьев Марии и отмечено число лет именно десять, которые по его проложному житию Мефодий провел в чине воеводы в странах сопредельных славянам, также передано указание жития на княжение славянское.¹

Шлецер проникательно оценил всю важность составленной Димитрием Ростовским биографии. «К счастью», пишет он, «попалась мне вышесказанная книга нечаянно в нашей Публичной библиотеке; к удивлению своему нахожу я в ней отменно полное и подробное повествование о нашем деле, которое во многих существенных происшествиях согласуется со сведениями доселе известными, и противоречит оным во многих других. Как удивятся этой находке иностранцы, которые до сего должны были держаться только своих легенд! Нельзя не принять им сего сочинения: русская Четья Миней достойна уважения не менее *латинской*. Что сочинитель первых заимствовал совсем из других источников, нежели сочинители последних, это очень

¹ Как можно видеть из списка жития Константина № 16 у Бодянского, Димитрий Ростовский внимательнейшим образом оценил житие Константина философа и умело воспользовался его данными, правильно объяснил некоторые места, испорченные в копии, сделанной с Хиландарской рукописи, напр., он первый задолго ранее Шафарика исправил место, относящееся к Варде, указав, что это был вун, т. е. для императора Михаила. См. о том ниже.

видно; на полях приписывает он: *выбрано из разных рукописей*. Сверх того, частные известия, анекдоты, которых тут довольно, несравненно правдоподобнее, нежели в Acta SS; они приятны, имеют внутреннее правдоподобие и по большей части согласуются с прочею тогдашнею историею; хотя и здесь встречаются анахронизмы и некоторые эпизоды, но они важны, а не смешны».

И вслед за тем он приводит полную выписку из этой книги, местами несколько сокращая рассказ и опуская полемические места из споров с сарацинами, хозарами и иудеями.

Всё это относится к житиям Кирилла и Мефодия, взятым из Макарьевских Четых Миней, правда настолько, насколько они переданы были в изложении Димитрия Ростовского.

После того Шлецер отметил сделанные последним добавления: «На целой странице в лист истинно ученое рассуждение о хозарах, извлеченное из русских и византийских временников. Затем повесть о живописце и монахе Мефодии из Иоанна Куропалата. И, наконец, об одном Константине, которого выводят при Владимире также с картиной страшного суда, которому, однако, невозможно быть нашим Константином».

О писавшем всё это Шлецер самого лучшего мнения: «Всё это доказывает, что писавший всё это был муж почтенный и благомыслящий, а не такой, каковы были нередко жалкие писцы латинских легенд».

Разумеется, он находил, что всю Кириллову историю и принадлежащее к оной должно исправить, дополнить и переделать с русского, потому что в русских Четых Минеях несравненно более исторической истины, нежели в римских легендах. И заканчивал: «Только у кого достанет терпения эти дюжины фолиантов прочесть из строки в строку, и у кого при этом будет столько *ученых знаний*, чтобы отделить золото исторической ценности от благочестивых вымыслов»? Надо отдать честь Шлецеру, он прекрасно исправил некоторые ошибки в истории Кирилла и Мефодия и пришел в свое время к тем окончательным заключениям, к которым историки пришли в самое последнее время: «Кирилл проповедывал только в Моравии и передней Паннонии, но никогда не бывал в Хозарии (это не верно), ни в *Бомарии*, ни в Богемии».

Что касается хозар, Шлецер не совсем прав, когда говорит: «Византийские историки знают их очень коротко, самый даже двор имел с ними частые сношения, но нигде не видно ни малейшего следа, чтобы они грубые азийцы приняли христианскую веру; они остались тем, чем были, до самого их истребления». Из жития Кирилла мы знаем, что между хозарами

были принявшие христианство, но их число было не велико, позднее был епископ для христиан хозарских, но христианство у хозар не стало всеобщим, большинство их остались язычниками, или же держались еврейской веры. Но Шлецер прав, когда не придает значения указанию нашей летописи, что Кирилл пошел в Болгарию: «Крещение болгар очень подробно описано византийцами и, следуя им, Нестором, но нигде не говорится ни слова о Кирилле». Шлецер объяснял известие Нестора тем, что в данном месте его сбило предание о живописце Мефодии, бывшем у болгарского князя Бориса, но этот Мефодий не был наш Мефодий, как и наш Кирилл отличен от того Кирилла, которого увидим в истории Владимира.

Прав Шлецер и в том, что Кирилл не был в Богемии, хотя он едва ли столь же прав, что в Богемии никогда не был Мефодий.

Шлецер прав и в вопросе относительно перевода библии. Он готов был считать известие Нестора о ее переводе в шесть месяцев вставкой.

Он объяснял дело так: «1) Начало перевода сделали оба брата вместе в течение $4\frac{1}{2}$ лет, проведенных ими в Моравии: довольно уже работы для такого короткого времени, хотя бы они перевели только новый завет, псалтырь и осмогласник, но еще оставался ветхий завет. 2) Я полагаю, что здесь говорится только о последнем, но вероятно ли, чтобы два человека в 5 месяцев могли перевести эту гораздо большую и гораздо труднейшую часть библии. Мефодий трудился над своим делом слишком 30 лет; и теперь только, как я себе представляю, не задолго до своей смерти собрал все эти отрывки и привел их в порядок. Следовательно, упоминаемые здесь два попа были только переписчики или писцы, переписавшие готовый уже перевод (о каковых говорится также и в повести о греческом переводе библии под названием скорописцев), а не настоящие переводчики, как неправильно о них сказано в списках. Проворно писать и проворно переводить суть две вещи совершенно различные».

Шлецер признавал трудом Кирилла и Мефодия перевод всей библии, а также и других книг. Он оставлял вопрос о том, тот ли это перевод, который напечатан в Остроге и Москве и теперь называется славянской библией, служил ли по крайней мере этому древний Кирилловский перевод. Он отмечает, что не только в церковных очень древних книгах, но даже и во временниках встречается множество мест, взятых из библии, и ставит вопрос, согласны ли они во всем с напечатанным теперь. Он обращал внимание и на славянскую библию у тех славянских народов, которые хотя и соединены с Римскою церковью, но отправляют службу на древне-славянском языке, знал, что она правлена у них по вульгате и находил нужным

сличить ее разности с русской библейей, жаловался, что во всей обширной славянской земле никому на ум не приходила библейская критика. В результате он приходил к тому заключению, что образование языка славянского или русского, ибо в существе и тот и другой одинаковы, началось в IX в., с X в. продолжалось в России беспрерывно не оригинальными писателями, но новыми переводчиками других сочинений всякого рода, а особливо исторических, законных и церковных книг. Его положения сводились к утверждениям, которые всеми считаются парадоксами: «1) Из всех новых языков славянский есть один из образованнейших (я не говорю здесь о его богатстве и других преимуществах): как он достиг сего, объясняется ходом его образования. Образцом ему служил греческий язык, образованнейший из всех тогдашнего времени, хотя Кедрин и не писал, как Ксенофонт. Славянский же язык был отменно удобен к восприятию всех свойств и красот греческого. Так как переводчики переводили большую частью слово в слово, а не как Кедмон англосакс и немец Отфрид, которые всё переделывали по стихотворчески, то и должны были волею или неволею гнуть свой язык, делать его таким, выискивать новые обороты, чтобы вернее выразить подлинник. 2) Из всех новейших языков славянский образовался *прежде всех*. Каковы были в XIII, XIV стол. немецкий, французский, английский и пр. языки? Стечение счастливых обстоятельств способствовало в этом Руссам. Перевод с образованного греческого языка продолжался несколько веков беспрерывно; *служба божия* отправлялась на отечественном языке (а не по латыни, как во всей прочей Европе). Как именно мы, немцы, опоздали в этом (ибо не более 70 лет, как начали мы писать чисто по-немецки, к чему приучились большею частью переводами с французского и английского), очень живо чувствую я, читая русскую *Четью Минею* м. б. XIV стол. и тотчас за нею собрание немецких проповедей, напечатанное в 1674 г., и сравниваю не содержание, а слог их. В первой нахожу я порядок в изложении, крутые периоды, вводные предложения, связанные одно с другим 10 различными причастиями, звучные сильные и богатые слова и пр. Какое сравнение с бедным *немецким* проповедником! не забывая и тогдашнего регенсбургского подъячего. Непонятно однако же, как долго русские не переносили в новорусский язык великолепия славянского, хотя ничего не было легче этого. Лет с 50 только, как явилось три, по крайней мере мне с этой стороны очень известные, человека, достигающие эпоху один за другим, и один лучше другого, которым удалось это как в прозе, так и в стихах: Ломоносов, Херасков, Карамзин. Теперь славянский, грамматически правильный, звучный, сильный и красивый слог виден во всех указах».

Шлецер сознавал, что X гл. Нестора он отдал с отменным старанием, да и не стоила ли она этого? «Содержание ее отменно любопытно: жизнь и деяния Кирилла и Мефодия, крещение славян в Моравии и передней Паннонии, введенное греками с таким отличным благоразумием, какого не найдешь во всей древней Римской истории обращения язычников; избрание славянские грамоты, перевод всей библии на сей язык. Но всего этого мало. Пусть какой-нибудь молодой человек потрудится года с два и напишет листов 50 объяснения на эту X главу. Пусть он присоединит к этому историю образования славянского языка во всех его многочисленных наречиях, в чем неоспоримо Руссы успели более всех. Пусть опишет он участь славяно-греческие службы Божии, как она была введена во многие европейские земли. У нас есть об этом много сочинений; но большая из них часть писана противною стороною и с бесстыдным пристрастием: сразиться с последним, какое славное дело для *русского* любящего свою *церковь и язык*».

Насколько верны были все эти заключения знаменитого историка, показывает вся дальнейшая судьба изучения кирилло-мефодиевских вопросов во всей их совокупности или иначе история начальной славянской письменности, и до сих пор требующая усилий многих и многих ученых.

Но первое время не легко было исполнить высказанные Шлецером пояснения. Это видно из труда Добровского: *Cyrill und Method, der Slaven Apostel. Ein historisch kritischer Versuch*, 1823. Упомянув о взгляде, высказанном Шлецером, Добровский отозвался с похвалой о полноте и тщательности сделанного им извлечения из составленной Дмитрием Ростовским биографии, прибавив, что сличение сведений, содержащихся в ней, с другими ему показалось излишним, но и сам уклонился от предложенной Шлецером задачи, находя, что исторические документы, на коих основывается Русское житие, неизвестны (следует перечисление биографических данных).

Добровский обратился к другому источнику вновь найденной греческой биографии болгарского архиепископа Климента.

Надо сказать, что Добровский не мог обратиться к первоисточнику Дмитрия Ростовского — Макарьевским Четным Минеем. Это можно было бы сделать нашим русским ученым и прежде всего переводчику его книги Погодину. Но последний торопился с переводами, и у него не было, быть может, времени.

Правда, он сделал дополнения к переводу, относящиеся к источникам. Но это были проложные жития Кирилла и Мефодия «во многом несогласные